

К 60-летию Б. Ф. ИЛЬИНА

ВЫ ЗНАЕТЕ, что Борис Илью стукнуло шестьдесят? — спросил меня кто-то за кулисами театра. Странно было услышать это и немного грустно.

Грустно потому, что прошла значительная часть жизни человека, с которым последние двадцать с лишним лет пришлось делить радости и горести творческой жизни; странно потому, что давно ли знал Ильина молодым...

Саратов... Суровая голодная зима 1921 года. Еще не сняты пушки с окрестных остр., не отменен военный час, а в городе бурлит напряженная жизнь. Диспуты о старом и новом театре... Студенческая молодежь приходит на них с плакатами:

«Смерть старому театру», а вечерами заполняет зал того же театра и, затеив дыхание, слушает «Савву» и «Того, кто получает пощечины» Л. Андреева, «Зори» Верхарна и «Город в кольце» — одну из первых советских пьес.

Публичные скандалы футуристов и имажинистов... Лекции Луначарского о религии и новой морали, которые прерывались нередко яростными перепалками слушателей... Массовые демонстрации-карнавалы под лозунгом «Смерть мировому капиталу!»

В этой атмосфере разрушения традиций и рождения нового начиналась жизнь старшего поколения советских актеров.

В Саратове в то время была открыта одна из первых в стране театральных школ — Высшие Государственные мастерские театрального искусства. Школа была, конечно, левая, озорная, бунтарская, скорее отрицающая, чем дающая основы внутренней техники актера. О системе Станиславского молодежь знала понаслышке, жадно впитывала смутные и противоречивые легенды о ней.

В ВГМТИ я впервые и встретил Бориса Ильина, бывшего тогда студентом старшего курса. На старшем курсе мастерских было много одаренных студентов, отмеченных своеобразной яркой индивидуальностью. Ильин заметно выделялся среди них не только одаренностью, но и, как бы сказать, определенностью, что ли, целеустремленностью, ранней зрелостью. Театральное студенчество двадцатых годов занималось много и жадно, не считаясь со временем, но много сил и времени терялось «в кипении бесцельном и пустом», в сомнениях, метаниях. Учасье успешно и легко. Борис как-то проходил мимо «проклятых» вопросов. В нем рано сказалась исключительная профессиональная определенность. Далеко не все из одаренных молодых людей стали актерами, а Ильин стал большим актером. О нем еще в школьные годы можно было сказать перефразируя Шекспира: актер, и до конца ногтей актер!

Помню, как-то зимней ночью я ушел последним из мастерских. Торопился, так как близился комендантский час. Пробираясь в темноте к выходу, слышу чей-то голос в зрительном зале. Приоткрыл дверь... На сцене, в тусклом свете «дежурки», расставив вместо партнеров стулья, репетирует Борис. Я тихонько вошел и сел в темноте. Знакомые слова, но чьи?.. Ага! Это роль Иошке из «Певца своей печали» Гордина, пьесы, довольно часто появлявшейся на сцене театра до революции и в первые ее годы. Зачем он с таким увлечением репетирует Иошке? Ни в какие школьные программы это не входит. Видимо, Борис заготавливал роль тайком в прок, так как через год учение заканчивалось, его манил простор профессиональной сцены, а там роль Иошке могла ему пригодиться. Не знаю, играл ли Ильин когда-нибудь эту роль, но эскизом для многих ролей в дальнейшем она, безусловно, послужила.

В этом маленьком эпизоде прошлого сказало зерно дальнейше-

го творческого облика Ильина: инициативность, самостоятельность в создании образа. Он стал одним из тех актеров, про которых говорят, что они режиссеры своих ролей.

...Окончена школа, и надолго наши пути разошлись. Иногда доходило до меня слухи об успешных работах Ильина на сценах больших городов. И вот — Свердловск. В 1937 году И. С. Ефремов с большим размахом, с точным ощуще-

Право на мечту

нием драматизма и лиризма пьесы поставил «Царя Федора Иоанновича» А. Толстого. Борис Ильин — царь Федор. Роль эта — мечта хорошего актера, но не всякому хорошему актеру дано ее осуществить. Трудность большой классической роли в грузе традиций прежних актерских решений. Как часто видим мы на сцене исполнение верное, мастерское, но лишнее своеобразие, привычное, а потому и мало волнующее. Ильин, конечно, знал блистательные решения роли Федора Орленевым, Москвиным и другими, но счастливо избегал соблазна слепого и легкого повторения чужих путей.

В общей трактовке роли, в стиле ее решений он ближе был к орленевской манере, но без его неврастеничности и патологии. Ильин нашел свое решение роли, свою неповторимую интонацию.

Прошло свыше 20 лет, но я живо помню бледное тонкое лицо Федора, тоску и муку его глаз и тихий, задушевный голос. Какое большое, трепетное, человеческое сердце было у этого царя! И было мучительно страшно, что сердце Федора не выдержит жестокости, ненависти и зла окружающих его людей. В исполнении Ильиным роли Федора самым примечательным, на мой взгляд, был высокий эмоциональный накал актера.

Мы часто сталкиваемся, к сожалению, с грамотным, но прилизанным проживанием актерами событий пьесы и роли и редко — ох, как редко! — видим полную отдачу страстям образа. Часто «бережет» себя и Борис Ильин, но, безусловно, ему доступна та высокая степень эмоциональной взволнованности, присущей только большим актерам, которая захватывает и покоряет зрителя.

Наиболее совершенной и законченной во всех деталях ролью Ильина за последние годы я считаю роль Яропегова в пьесе «Сомов и другие» Горького. Об игре Ильина в этой роли много писалось в московской и в местной печати, и все-таки сказано далеко не все. Есть в жизни актера роли, когда его человеческая сущность как бы сливается с сущностью образа. Актер не только естественно распределяет себя в пространстве сцены, он не только органичен в пластике, насыщен эмоционально, но и непрерывно и действительно мыслит. Роль в этом случае становится как бы объемной. Мы оказываемся свидетелями высшего достижения внутренней техники актера — перевоплощения. Вот в Яропегове Ильин и достигает перевоплощения в образ.

У Горького главный конфликт

происходит между Сомовым и советскими людьми. Яропегов находится между двумя лагерями и в столкновении враждующих сил активно не участвует. Я видел спектакль, где Яропегов от начала и до конца пьесы проходит безвольной, безликой тенью бывшего человека. Лежало ли подобное реше-

А какие тонкие, умные детали были найдены актером! Например, чуть ироничный взгляд на Сомова и Сомову в первом выходе Яропегова, или два пальца, показывающие образно, как идет в тюрьму арестованный вредитель.

Мне кажется, что роль Яропегова стала вехой в творческом пути

и удачи бывают и осечки. Но работать с Ильиным всегда интересно, хотя и приходится быть начеку, так как по своей инициативности, по способности быть режиссером своей роли он может подчинить решение куска или сцены своим частным интересам. Но надо быть справедливым: если вовремя уличить Ильина в этом «грехопадении», он охотно возвращается в лоно «праведников».

Итак, шестьдесят лет! Закон дает право советскому человеку на отдых. А мне не хочется. Борис Федорович, желать тебе отдыха.

Сказал ли артист Борис Ильин свое последнее творческое слово? Нет, далеко нет. Талант — это не только степень мастерства,

это сила воли, это страстность желаний, это умение мечтать.

Во всеоружии мастерства и зрелости мысли ты имеешь право и возможность осуществить еще много творческих мечтаний. Вот этого я и желаю тебе.

Б. БИТЮККИН,
народный артист РСФСР,
главный режиссер
Свердловского драматического театра.

